

УДК 321.6

*А.А. Фокин***ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТРАН СЭВ¹**

На основе подхода истории идей реконструируется политический язык официального дискурса социалистической интеграции стран СЭВ. Рассматривается эволюция представления об объединении Европы в рамках левой и социалистической политической философии. Выделяется несколько основных идей, вокруг которых разворачивается полемика. Идея объединения национальных государств противостоит идее формирования наднационального основания для интеграции (прежде всего интернационализм пролетариата и коммунистических партий). В рамках модели СЭВ был реализован национальный подход. В силу этого на первый план выходит необходимость создания общности экономических интересов. Основными понятиями становятся взаимопомощь и интеграция, которые обозначали различные механизмы сотрудничества в рамках социалистического лагеря.

Ключевые слова: СЭВ, социалистический лагерь, европейская интеграция, взаимопомощь.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-468-474

Введение

После распада Восточного блока евроинтеграция виделась естественным путем развития стран бывшего соцлагеря, и их вхождение в «единую Европу» символически означало возвращение из «тупика» исторического развития на магистральный путь цивилизованных государств. Восприятие советского прошлого как негативного опыта было выгодно как странам Западной Европы, так и странам Восточной Европы, поскольку позволяло выстраивать новую идентичность и видеть источником своих проблем «оккупацию» со стороны СССР. Таким образом утверждается идеологически обусловленный взгляд на прошлое. Необходимо отметить, что после окончания Второй мировой войны в Европе интеграционные процессы развивались параллельно. Представление о том, что социалистическая модель интеграции стран Восточной Европы была изначально обречена на провал, является ретроспективной и исходит из информации, которая имеется у современных авторов. В то время как в ситуации второй половины XX века перспективы социалистической модели развития выглядели весьма позитивными. Стивен Коткин, обозревая ситуацию 1970-х годов, прежде всего в США, но и в Европе тоже, отмечает: «Тогда же так называемая стагфляция – высокий уровень безработицы (стагнация) в сочетании с инфляцией – поставила в тупик ведущих американских экономистов, а Уотергейтский скандал парализовал и обесчестил Вашингтон. Вспомним к тому же, что в 1975 году под контролем коммунистов оказались Сайгон и весь Южный Вьетнам. Учитывая болезненную перестройку, которую переживала большая часть американской промышленности, казалось, что США находятся на грани катастрофы, а не триумфальной победы в холодной войне» [1. С. 25]. Таким образом, первой причиной обращения к опыту социалистической евроинтеграции является необходимость пересмотра определенных исследовательских установок применительно к послевоенной ситуации и международным отношениям. Второй причиной является осмысление современного кризиса модели «единой Европы». Голосование в Великобритании за выход из Евросоюза, усиление позиции евроскептиков на фоне миграционного кризиса, финансовые проблемы отдельных стран — все это ставит вопрос о дальнейших путях развития стран Европы. В этом плане опыт стран СЭВ, конечно, не может быть понят буквально, поскольку сложно представить в современной Европе вариант «доктрины Брежнева», но могут быть разобраны определенные тактики и стратегии, помимо использования прямого принуждения, которые были реализованы в рамках СЭВ.

Теоретические основания

Парадоксальным образом история социалистической интеграции и СЭВ оказывается белым историографическим пятном. Можно отметить несколько попыток осмысления опыта советского блока, например монографические исследования О.Н. Широкова [2] и М.А. Липкина [3]. Несмотря на то что

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10023).

обе работы опираются на широкий круг источников и подробно раскрывают поставленные вопросы, они прежде всего сосредотачиваются на изучении экономической истории СЭВ. В этом случае на первый план выходят именно методы экономической и политической истории, в результате формируется традиционный исторический нарратив. В целом, данный подход объясним, поскольку даже в названии СЭВ упоминается экономическая составляющая. В таком случае за скобками остается множество аспектов функционирования СЭВ, прежде всего речь идет об идеологической составляющей. С точки зрения «традиционных» историков, идеология является ширмой, которая скрывает реальное положение вещей. Так, на словах руководство стран Восточного блока могло клясться друг другу в верности и говорить о нерушимой дружбе братских народов, но как только дело доходило до конкретных интересов отдельных стран, то на первый план выходили национальные приоритеты. Таким образом, задача историка может заключаться в том, чтобы прорваться сквозь завесы словословия и показать «истинные» механизмы происходящих процессов. Такую точку зрения может подкреплять и восприятие СЭВ как системы, построенной на насилии со стороны Советского Союза по отношению к странам Восточной Европы [4]. Насилие в значительной мере объясняется не силой СССР, а, наоборот, слабостью: другие инструменты не работали, и Советскому Союзу приходилось прибегать к прямому военному вмешательству [5]. Помимо этого, есть ряд работ, изучающих отдельные аспекты международного сотрудничества: культурную дипломатию [6], массовые коммуникации [7], туризм [8] и т. д. Исследователи, обращаясь к отдельным аспектам существования социалистического лагеря, оказываются в ситуации, когда за отдельными «деревьями» оказывается невозможно увидеть «лес». Происходит размывание идеологической рамки, в границах которой и реализовывались практики социалистической евроинтеграции. Поэтому необходимо теоретически переосмыслить те идеологические установки, которые существовали в концепции марксизма-ленинизма и были призваны сформировать идеологический дискурс функционирования стран СЭВ.

Метод

Представляется, что наиболее продуктивным подходом к изучению идеологических оснований СЭВ будет направление «история идей». Надо отметить, что зачастую историю идей связывают с деятельностью определенных авторов-интеллектуалов. В русскоязычной историографии это заключается в активном использовании истории идей историографами, которые анализируют труды историков прошлого, пытаясь выявить определенные устойчивые идеи. Хотя родоначальник истории идей Артур Лавджой стремился увидеть в истории идей не готовые конструкты, а некие базовые, элементарные идеи, комбинация которых позволяет возводить сложные мыслительные конструкции [9]. Если использовать метафору, то можно изучать замок, построенный из деталей конструктора, а можно изучать сами детали конструктора, из которых можно построить как замок, так и другие сооружения. В таком случае история идей сосредотачивает свое внимание не на биографии интеллектуалов и связях между ними, она ставит в центр внимания биографию самих идей.

Такой подход открывал перспективы для изучения способов мышления больших групп людей, в определенном смысле программа истории идей, предложенная Лавджоем, сближалась с теорией ментальности, выработанной в рамках школы Анналов. Поскольку и там и там в качестве задачи рассматривался поиск неких универсалий, являющихся основанием для человеческой деятельности. Правда, между историей идей и историей ментальности существует одно принципиальное различие. Лавджой стремился выйти за рамки национальных традиций (а история ментальности, наоборот, сосредотачивается на национальных особенностях) и создать картину вне различий языков и культур.

Минусом концепции Лавджоя, за что его достаточно быстро стали критиковать, была оторванность истории идей от контекста. Идеи становятся подобными абстракциям Платона, которые существуют в абстрактном мире, в то время как все идеи неразрывно связаны с историческим и культурным контекстом. Поэтому задача исследователей – проникнуть в логику эпохи, чтобы выявить конкретные практики бытования идей. Именно на таких основаниях Квентин Скиннер и Джон Покок формируют Кембриджскую школу интеллектуальной истории [10], важным аспектом которой становится изучение политического языка. Так, политическая философия понимается Пококом не как набор абстрактных, вневременных суждений о политике, а как жанр самостоятельного политического действия, нацеленного на формирование риторической нормы и языка сообщества – посредством публичной речи [11. С. 22]. Таким образом, в рамках этой исследовательской традиции важным оказывается не только то, что делают отдельные люди, группы или институты, но и то, что и как говорят.

Анализ политического языка приводит к необходимости обратиться к еще одному методологическому подходу, а именно к терминам «этический» и «эмический». Они были предложены в 1954 году американским исследователем Кеннетом Пайком и в дальнейшем попали в словари множества дисциплин, в том числе были заимствованы историками в рамках «антропологического поворота». Симона Черутти в своей статье об итальянской микроистории видит в эмическом подходе метод раскрытия новых объектов исторического исследования при ограничении контекстов [12]. Эмический подход должен служить своеобразным предохранителем от того, чтобы при анализе не использовать значения и понятия, чуждые сознанию людей прошлого. Такая исследовательская программа может быть реализована не только для изучения судопроизводства при Старом порядке, как это делает Симона Черутти, но и при анализе официального советского языка, с помощью которого обосновывалась социалистическая модель евроинтеграции.

Результаты

Сторонники социалистических идей довольно рано стали развивать идею европейской интеграции в противовес существовавшим государствам. Первый разработанный подход к этому вопросу можно найти у Сен-Симона и Тьерри в работе «О реорганизации Европейского общества, или О необходимости и средствах объединить народы Европы в единое политическое целое, сохранив за каждым его национальную независимость». Это сочинение увидело свет в 1814 году после Наполеоновских войн, то есть по факту авторы предлагали альтернативу той модели международных отношений, которая сложилось в ходе Венского конгресса. Планировалось уйти от модели союза монархов и заменить волю и интересы правителей страны, на которых до этого строились союзы, более прочным основанием, а именно экономическими интересами. Если создать устойчивый базис, то воля отдельных людей не сможет существенным образом повлиять на него. Помимо этого, планировалось создать европейский парламент, который должен был выступать своеобразным арбитром и разрабатывать законодательные рамки, внутри которых должны были существовать государства – члены будущей объединенной Европы [13. С. 56]. Без труда можно заметить, что современная модель Евросоюза имеет много общего с идеями начала XIX века. Конечно, идеи социалистов остались только на бумаге, поскольку монархия стремилась взять реванш над идеями Великой французской революции и укрепить свои позиции. Еще одна особенность идеи Сен-Симона и Тьерри – их европоцентричность, для них необходимо было разрешить именно европейские коллизии, поскольку Европа воспринималась как центр мира.

В середине XIX века происходит отход от такого взгляда, и проблема евроинтеграции становится частью стремления теоретиков социализма выстроить общемировую систему. Пьер Жозеф Прудон в 1863 году публикует работу «О федеративном принципе», в которой выдвигает идею федеративного устройства, которая в будущем должна охватить все государства. Европа, как передовая часть, станет своеобразной тестовой площадкой, где федеративная идея должна вырваться снизу (Прудон негативно относился к идее объединения Европы как решению элит) и в дальнейшем распространиться по всему земному шару. По мысли Прудона, такая федерация является позитивным проектом будущего устройства мира, а негативный сценарий заключается в разделении мира между крупными игроками, что в итоге приведет к необходимости передела мира и военным столкновениям. Важно отметить, что Прудон не выступает против идеи национальных государств, просто в этих государствах власть должна перейти к народу.

Один из главных критиков Прудона Карл Маркс негативно относился к идее единой Европы, видя в ней стремление сохранить национальные государства. Для Маркса государство как орудие эксплуатации должно было быть устранено, а на первый план должен выходить пролетарский интернационализм, который автоматически снимает вопросы интеграции. Судя по отдельным высказываниям Карла Маркса, в проекте Единой Европы он видел попытку снизить социальное напряжение и уход от понимания магистральных тенденций развития истории. Вместо объединения национальных государств Маркс предлагает сформировать единую политическую партию: «Все люди, разделяющие только что перечисленные мною убеждения, к какой бы республиканской фракции они ни принадлежали, должны составить своего рода европейскую партию действия, в которой Франция, Италия, Германия, Швейцария, Польша, Греция, Венгрия, Румыния и другие угнетенные нации должны представлять собой отдельные секции; каждая национальная секция должна существовать самостоятельно и иметь свою особую кассу; центральный комитет, располагающий центральной кассой, должен

формироваться из делегатов национальных секций и т. д.» [14. С. 616]. Без особого труда в этом описании можно увидеть модель Интернационала, созданного в 1864 году, через 6 лет после выхода статьи Маркса.

Идею Соединенных Штатов Европы как альтернативу национальных государств выдвигал и классик анархизма Михаил Бакунин: всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. «Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы» [15. С. 103]. Именно лозунг Соединенных Штатов Европы становится центральной идеей у левых интеллектуалов применительно к евроинтеграционным проектам. Такие известные люди, как Виктор Гюго, Джузеппе Гарибальди, Джон Стюарт Милль, поддерживали эту концепцию. Основным препятствием для реализации модели Соединенных Штатов виделся национализм отдельных государств. Следует отметить, что именно во второй половине XIX века в ходе объединения Германии и Италии национализм и национальные нарративы становятся одним из центральных аспектов политики и общественного мнения. Как показала Первая мировая война, национальные интересы почти у всех социалистов оказываются выше интернационального сознания. Интересно, что и в дальнейшем в СЭВ столкнулись с похожей проблемой: отдельные страны стремились решить собственные проблемы, не задумываясь о выгоде для других участников организации.

Одна из немногих политических сил, вставшая на путь пораженчества, была РСДРП(б) во главе с Владимиром Лениным. Он критически оценивал лозунг Соединенных Штатов Европы, как и Маркс, он видел в этом реакционную позицию. В своей статье 1915 года «О лозунге Соединенных Штатов Европы» [16. С. 354-355] он видит в стремлении объединить европейские государства возможность эффективнее грабить колонии, конкурировать с США и Японией и подавлять социализм. Таким образом, реализация плана евроинтеграции, по мнению Ленина, приведет к консервации тех политико-экономических условий, которые в ином случае быстрее вступили бы в полосу кризиса. Владимир Ленин выступает за Соединенные Штаты Мира, при которых произойдет исчезновение любого, пусть даже самого демократического, государства. После прихода большевиков к власти позиция руководства партии заключалась в том, что Россия является искрой, из которой должен разгореться пожар мировой революции. Лев Троцкий позитивно относился к лозунгу «Соединенные Штаты Европы». По его мысли, даже если буржуазные государства объединятся, это будет шаг вперед по сравнению с массой отдельных национальных государств.

Призывая рабочих Германии, Франции и всей Европы к революции, Троцкий просил их не опасаться экономического упадка и изоляции своих стран. Создав Соединенные Штаты Европы, европейские страны образовали бы единое экономическое пространство и разрешили бы все свои проблемы (Рурскую проблему, т. е. угля и металла; проблему выплаты репараций и защиты от внешних угроз). Для решения репарационных и военных вопросов они могли бы иметь особый бюджет, пополняемый налогами на капитал и конфискацией богатств, награбленных во время войны. Более того, европейское хозяйство сомкнулось бы с необъятными естественными богатствами Советского Союза и стало бы еще более могучим и преуспевающим [17. С. 1555]. Свою точку зрения Троцкий стремился утвердить в рамках работы Коминтерна, но внутривнутриполитическая борьба после смерти Владимира Ленина и победа Иосифа Сталина не позволили лозунгу Соединенных Штатов Европы стать частью официального советского дискурса. Наоборот, сталинская политическая доктрина начинает опираться в большей степени на национальные модели. Формально не отказываясь от идеи мировой революции, сталинская доктрина делает ставку на социализм в отдельно взятой стране при поддержке коммунистических и народных партий в других странах. Именно Коминтерн должен был выступать наднациональной структурой, призванной объединять антибуржуазные силы. Но в любом случае до начала Второй мировой войны это все было на уровне теоретических рассуждений. В 1930-х годах перед СССР стояло множество внутренних вызовов, не позволяющих тратить ресурсы на попытки формирования некоего единого европейского пространства.

Окончание Второй мировой войны и освобождение Красной армией ряда европейских стран переводит размышление о социалистической Европе из теоретической в практическую плоскость. Реализация плана Маршалла и укрепление США на международной арене вызывают ответную реакцию со стороны Москвы, и в 1949 году после закрытых экономических совещаний возникает Совет экономической взаимопомощи. Интересно, что модель СЭВ основывалась не на идеях Маркса – Ле-

нина, которые, как было показано выше, негативно относились к формированию союза национальных европейских государств, а в большей степени реализовала идеи Прудона и Трощако.

Одним из центральных понятий, на которых основывалась идеология формирования новой организации, было понятие «взаимопомощь». Как отмечает Олег Широков, если идея интеграции была некоей универсальной, общемировой тенденцией, характерной как для стран Западной, так и для стран Восточной Европы, то взаимопомощь выступала своеобразным клеем, призванным скрепить страны социалистического лагеря. «Между тем, термины “помощь”, “взаимопомощь”, “братский союз”, “содружество социалистических наций”, характерные для определенных процессов в странах СЭВ, отражают не риторические упражнения, а реальный континуум понятийного ряда, сочетающий моральные, политические, идеологические и экономические принципы» [2. С. 39].

Предполагалось, что интеграция будет следующей после взаимопомощи ступенью развития. Поэтому термин «интеграция» в лексиконе политического языка СЭВ возникает сравнительно поздно, уже в 1960-х гг. Основное препятствие в переходе к интеграции видели в некоторых, подчас существенных различиях, они состояли прежде всего в разной степени завершенности социалистических преобразований и неодинаковом уровне экономического развития. Теоретики писали, что не созрели объективные условия для слияния экономики всех социалистических стран, тем не менее отмечалось, что хозяйственное сближение социалистических стран становится все более тесным и всесторонним, и постепенно вырисовываются контуры единого хозяйства. Следует различать такие понятия, как «помощь» и «взаимопомощь». Примером безвозмездной помощи со стороны СССР считалась передача советского имущества при ликвидации предприятий с советским участием (то есть СССР дарил странам народной демократии средства производства) или предоставление научно-технической документации (то есть страны соцлагеря получали новые технологии, не вкладывая деньги в научные изыскания). Важнейшим же признаком взаимопомощи было согласование национальных интересов и развитие международного разделения труда [18. С. 7].

Сотрудничество социалистических стран должно было перемещаться из сферы обращения, обмена товарами в область самого производства. Это было крайне важно, поскольку позволяло, с одной стороны, сформировать разделение труда в рамках Восточного блока, с другой стороны, установить тесные экономические связи. Новой, присущей только социализму формой сотрудничества государств должно было стать согласование народнохозяйственных планов, дающее ясную перспективу развития каждой стране и позволяющее ей наиболее рационально использовать свои ресурсы. То есть страны СЭВ, разрабатывая свои планы, должны были не только учитывать собственную внутреннюю ситуацию, но и принимать во внимание отношения с другими социалистическими странами. СЭВ должен был координировать развитие хозяйственных отраслей и научно-исследовательские работы на основе взаимодополняемости и взаимной поддержки их хозяйств. Основные направления социалистической кооперации видели в мирном использовании ядерной энергии, создании общих энергосистем и крупносерийного машиностроения. Планировалось создать единую энергетическую систему европейских стран Восточной Европы и европейской части СССР; намечалось также совместно проложить нефтепровод, по которому нефть Поволжья поступит в Венгрию, ГДР, Польшу и Чехословакию. Таким образом, страны СЭВ должны были переплести экономические интересы между собой, чтобы они стали дополнительной основой для политического единства.

Для официального дискурса важно было подчеркнуть добровольность процесса сближения социалистических стран. На фоне идеологического противостояния с Западом страны соцлагеря не должны были выглядеть «колониями» СССР, особенно в условиях борьбы за влияние на страны Африки, Азии и Латинской Америки. Поэтому формировалась идея, что в различных странах при строительстве социализма проявляется ряд национальных особенностей, которые сложились в процессе исторического развития каждой отдельной страны и с которыми необходимо считаться. Однако эти своеобразные черты должны не нарушать соблюдение общих принципов, а, напротив, содействовать их осуществлению. Советский Союз был заинтересован в сохранении национальных государств, а не включении их в состав СССР в качестве республик, как это было со странами Прибалтики.

При этом СССР естественно выступал как лидер Восточного блока, первый среди равных: «Советский Союз занимает внутри нашей социалистической семьи народов первое место, так как:

во-первых, он располагает более чем 40-летним богатым опытом победоносного строительства социализма; он первым построил социализм и первым вступил в период перерастания социализма в коммунизм;

во-вторых, он является самой могущественной державой, которая благодаря своим достижениям и своему политическому, экономическому, научному и военному превосходству пользуется во всем мире огромным авторитетом;

в-третьих, он наиболее твердо и действенно защищает интересы всего социалистического лагеря, оказывает братскую помощь всякий раз, когда та или иная страна социалистического содружества народов нуждается в экономической либо политической поддержке; без Советского Союза другие страны, строящие сегодня социализм, могли бы стать жертвой империализма;

в-четвертых, Советский Союз и Коммунистическая партия Советского Союза были и есть исторически сложившимся центром солидарности социалистических стран и международного коммунистического и рабочего движения; КПСС первая проложила всему человечеству путь к социализму; своей творческой деятельностью она обогатила теорию и практику строительства коммунистического общества и наглядно доказала силу и жизнеспособность учения марксизма-ленинизма, на основе которого строится социализм» [19. С. 4-5]. Исходя из этого предполагалось, что в рамках ближайших 15 лет интеграционные процессы в социалистической Европе будут усиливаться, но при этом сохранится национально-государственное управление и планирование. То есть идеологии социалистической интеграции особенно подчеркивали, что в рамках соцлагеря не будет покушения на национальный суверенитет, даже учитывая реализацию «доктрины Брежнева». Правда, существовал вопрос о том, что произойдет при переходе от социализма к коммунизму, когда государство как институт должно начать исчезать. Но поскольку проблема «развернутого строительства коммунизма» была актуальна относительно недолго, на рубеже 1950–1960-х годов, то до и после этот вопрос активно не обсуждался. Предполагалось, что в рамках социалистической интеграции будет пройдено три стадии. Первый этап – с момента образования СЭВ и до 1971 года. Этот период можно обозначить как период взаимопомощи, поскольку интеграционные процессы носили фрагментарный и экспериментальный характер. По сути, каждая страна Восточного блока действовала самостоятельно и потом обменивалась и получала ресурсы и продукцию от других стран. Вторую стадию связывали с реализацией Комплексной программы развития и сотрудничества. На этом этапе планировали сделать интеграцию системной, чтобы она охватывала фактически все аспекты экономики: не только заниматься совместными научными исследованиями или строить совместные инфраструктурные проекты, но и интегрировать финансы и валютную политику. Можно напомнить, что с 1964 года между странами действовал переводной рубль, но он реализовывался только в безналичных расчетах, а в рамках второго этапа интеграции возможно было введение единых банкнот для стран СЭВ. Третья стадия, по прогнозам, должна была начаться в 1985–1990 годах, и она должна заключаться в переходе к единому мировому социалистическому хозяйству, что будет базой для коммунистической формации.

Выводы

В заключение отметим, что проект социалистической интеграции оказался неуспешным и внутренние противоречия привели к центристским тенденциям, что в итоге закончилось чередой бархатных революций. Одну из причин этого процесса можно увидеть в концептуальной модели СЭВ, которая опиралась на модель сохранения национальных государств. Стремление отказаться от колониальной и империалистической логики и построить систему на взаимовыгодном сотрудничестве, которое переходит во взаимопомощь и затем в интеграцию, приводит к тому, что политические аспекты интеграции оказываются фактически табуированы и развитие экономических связей не подкрепляется формированием надгосударственных политических институтов. По сути, вся политическая риторика социалистической евроинтеграции развивается вокруг экономических понятий, что является свидетельством концептуального дисбаланса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М., 2018. С. 25.
2. Широков О.Н. СЭВ в мировой экономике: современная оценка проблемы функционирования и значения // Вопросы истории, методологии и историографии. М., 2005.
3. Липкин М.А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х годов. М., 2011.
4. Angst im Kalten Krieg (Studien zum Kalten Krieg). Hamburg, 2009.

5. Laurien Crump. The Warsaw Pact Reconsidered. International Relations in Eastern Europe, 1955–1969. Routledge, 2015.
6. Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989. М., 2018.
7. Cold War Broadcasting: Impact on the Soviet Union and Eastern Europe – a Collection of Studies and Documents. Budapest, 2012.
8. Anne E. Gorsuch. All This is Your World: Soviet Tourist at Home and Abroad after Stalin. New York, 2011.
9. Лавджой А. Великая цепь бытия: История идей. М., 2001.
10. Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018.
11. Атнашев Т., Велижев М. Context is king: Джон Покок – историк политических языков // Кембриджская школа. Теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 22.
12. С. Черутти. Микроистория: Социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2005. М., 2006. С. 354-375.
13. Ковлер А.И. Европейская интеграция: федералистский проект: историко-правовой очерк. М., 2016. С. 56.
14. Маркс К. Новый манифест Манчини // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 12. С. 616.
15. Бакунин М. Речь на Конгрессе Лиги Мира и Свободы в 1867 г. / Бакунин М. Избранные сочинения. М., 2018. С. 103.
16. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354-355.
17. Кембаев Ж.М. Идея «Соединенных Штатов Европы» в политико-правовых взглядах В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого // Право и политика. 2011. № 9. С. 1555.
18. Черкасов Н.А., Мельников Ю.И. Экономическое сотрудничество и интеграция социалистических стран. Л., 1976. С. 7.
19. Гротеволь О. В одном строю, к единой цели // Проблемы мира и социализма. 1959. № 8. С. 4-5.

Поступила в редакцию 15.09.2019

Фокин Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра экономической истории России историко-филологического факультета
Челябинский государственный университет
доцент кафедры Отечественной истории
Тюменский государственный университет
E-mail: aafokin@yandex.ru

A.A. Fokin

POLITICAL LANGUAGE OF THE INTEGRATION PROCESSES OF THE CMEA COUNTRIES

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-468-474

Based on the approach of the history of ideas, the political language of the official discourse of the socialist integration of the CMEA (COMECON) countries is reconstructed. The evolution of the idea of the unification of Europe in the framework of leftist and socialist political philosophy is examined. There are several basic ideas around which the controversy unfolds. The idea of uniting national states is opposed to the idea of forming a supranational basis for integration (primarily internationalism of the proletariat and communist parties). Within the framework of the CMEA model, a national approach was implemented. By virtue of this, the need to create a community of economic interests comes to the fore. The basic concepts are mutual assistance and integration, which denoted various mechanisms of cooperation within the framework of the socialist camp.

Keywords: CMEA, COMECON, socialist camp, European integration, mutual assistance.

Received 15.09.2019

Fokin A.A., Candidate of History, Senior Researcher,
Centre of Economic History of Russia, Department of History and Philology
Chelyabinsk State University
Associate Professor at Department of Russian History
Tyumen State University
E-mail: aafokin@yandex.ru